

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Роман о роде, огне и свете

Ирина Бодякшина

Ирина Бодякшина

Неопалимая Купина.

Роман о роде, огне и свете.

«Автор»

2026

Бодякшина И. В.

Неопалимая Купина. Роман о роде, огне и свете. /
И. В. Бодякшина — «Автор», 2026

Анна потеряла всё: бизнес, квартиру, любимого. Мать сказала: «Сама виновата». Врачи сказали: «Галлюцинации». Но птицы пели зимой. И небо стало красным. Она села на поезд до Шиловки, сама не зная зачем. Там, в разрушенном доме на берегу Волги, её ждала старуха Анютка — и икона, обожжённая, в трещинах, но не сгоревшая. Неопалимая Купина. «Ты — последняя, — сказала Анютка. — Последняя из рода, кто может её восстановить». Так начинается путь Анны: от психбольницы — к дому с колодцем, к веретену, что пряло нить поколений, к дневнику прабабушки, к двенадцати пуговицам — двенадцати судьбам. И к Диме, который ищет не дом, а сестру. Но за иконой охотится коллекционер Аркадий. У него деньги, связи, люди. А у Анны — только вера, род и свет. Мистический роман о том, как найти свой род и свою силу. И о том, что даже на краю можно услышать: «Ты не одна».

© Бодякшина И. В., 2026

© Автор, 2026

Ирина Бодякшина

Неопалимая Купина.

Роман о роде, огне и свете.

Глава 1. Красное небо и тишина

Меня зовут Анна. Мне сорок два года. И в тот вечер я стояла на балконе девятого этажа и считала этажи до земли.

Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять.

Девять — это мало. Это секунды. Это даже не больно. Это просто — шаг. И тишина.

Я стояла на краю. Буквально. С девятого этажа открывался вид на серое московское небо, и я думала: «Если шагнуть, всё закончится». Бизнес, который я строила десять лет, забрал бывший муж. Квартиру, купленную на честно заработанные, отсудила его новая жена. Мать сказала по телефону: «Ты сама виновата. Ты всегда была не как все». И положила трубку. Я слушала гудки и думала: вот и всё. Вот и весь мой род. Гудки.

Три месяца назад всё было иначе.

Я сидела в переговорной и смотрела, как мой бывший муж подписывает документы. Ручка была моя — серебристая, с гравировкой «А.». Он взял её, не спросив. Как брал всё остальное.

— Ты пойми, — говорил он, не поднимая глаз. — Это бизнес. Ничего личного.

— Ничего личного, — повторила я. — Десять лет. Ничего личного.

Его новая жена сидела рядом. Молодая. Красивая. В дорогом пальто. Она смотрела на меня и улыбалась. Как смотрят на проигравшего.

— Анна Сергеевна, — сказала она, — вы же понимаете, что так будет лучше для всех. Для компании. Для вас.

— Для меня, — сказала я. — Конечно.

Я вышла из офиса. На улице шёл снег. Я стояла и смотрела, как он падает. Мне казалось, что если я постою ещё минуту, всё вернётся. Бизнес. Муж. Жизнь. Но ничего не вернулось.

Потом был звонок матери. Я набрала её номер и долго слушала гудки, прежде чем она взяла трубку.

— Мам, — сказала я. — Мне нужна помощь. Хотя бы на время.

— Анна, — ответила она. — Ты сама виновата. Ты всегда была не как все. В школе — не как все. В институте — не как все. Замуж вышла — и то не как у людей.

— Мам, он забрал бизнес.

— Значит, так надо. Значит, ты не удержала. Ты всегда была слишком гордой. Вот и получила.

— Мам...

— Не звони мне больше с этим. У меня давление. И вообще — я тебе не помощник. Ты взрослая женщина. Сама разбирайся.

Она положила трубку. Я слушала гудки. Долго. Минуту. Две. Три. Как будто ждала, что она вернётся. Что скажет: «Анна, прости. Я не то имела в виду». Но она не вернулась.

А вечером я вернулась домой и нашла на кухонном столе записку. «Прости. Я так больше не могу». Его звали Игорь. Мы были вместе два года. Он говорил, что любит меня. Что я — его человек. Что он никогда не уйдёт.

Я прочитала записку три раза. Потом ещё три. Потом села на пол и стала смотреть на чашку с остывшим чаем.

Я позвонила ему. Он не взял. Я позвонила ещё раз. Он не взял. Я написала: «Почему?». Он прочитал. И не ответил.

Я сидела на полу и думала: «Что я сделала не так?». Может быть, я слишком много работала. Может быть, я слишком мало его любила. Может быть, я вообще не умею любить. Может быть, я — как мать сказала — не как все.

Я вышла на балкон. Было холодно. Ветер дул в лицо. Я смотрела вниз. Там, внизу, была жизнь. Дети играли в песочнице. Собачники выгуливали своих питомцев. Кто-то спешил на работу. Обычная жизнь. Обычные люди. А я стояла на краю и думала: «Зачем?».

Зачем я строила бизнес? Зачем я верила людям? Зачем я любила? Всё это оказалось пеплом. Я чувствовала себя пустой. Как будто из меня вынули душу, оставили только оболочку. И эта оболочка стояла на краю, и ветер дул ей в лицо, и она думала: «Может, шагнуть?».

Я не помню, сколько я так стояла. Минуту? Час? Может быть, целую вечность. Я смотрела на серое небо и чувствовала, как внутри меня что-то умирает. Что-то, что раньше давало мне силы жить. Что-то, что заставляло меня улыбаться по утрам. Что-то, что я называла «я».

А потом я услышала пение птиц.

Хотя на календаре была зима. Птицы не поют зимой. Но они пели. Пели так громко, что я зажала уши. Пели так, что я упала на колени. Пели так, что я поняла: «Я схожу с ума».

Я поднялась. Подошла к окну. Распахнула шторы. И увидела красное небо. Не закат. Не пожар. А именно красное небо. Оно было цвета свежей крови. Оно наливалось изнутри, как будто кто-то включил огромную лампу, и весь мир стал красным.

Я закрыла окно. Задернула шторы. Села на пол. И стала ждать. Чего? Я не знала. Просто ждала.

И в этой тишине я вдруг вспомнила бабушку Анну.

Она жила в маленьком доме на краю села. Дом был старый, с низкой крышей, с резными наличниками. Внутри пахло травами — сушёными, развешанными под потолком пучками. Полынь. Зверобой. Чабрец. Мята. Бабушка говорила: «Каждая трава — своё дело знает. Полынь — от нечисти. Зверобой — от боли. Чабрец — от страха. Мята — от сердца».

Я помню, как она учила меня читать знаки. Мне было лет семь. Мы сидели на крыльце. Бабушка держала в руках пучок полыни. Она говорила:

— Полынь — трава горькая, но сильная. Она очищает. Если чувствуешь, что что-то не так, — сожги полынь. Дым покажет: если идёт вверх — чисто. Если стелется — беда рядом.

Она поджигала пучок. Дым шёл вверх. Бабушка кивала: «Чисто. Пока чисто». А потом, когда я была постарше, дым однажды пошёл вниз, стелился по полу. Бабушка побледнела. Сказала: «Уходи из дома. Быстро». Я ушла. А вечером узнала: в соседнем селе сгорел дом. Птицы предупредили. Полынь показала.

Я помню, как она учила меня заговору на воду. «Вода — память. Она всё помнит. Если хочешь что-то узнать — налей воду в чашку, поставь на окно, скажи: "Вода-водица, покажи, что было, что будет, что не сбудется". И смотри. Если вода чистая — всё хорошо. Если мутная — беда. Если по воде круги — кто-то думает о тебе».

Я помню, как она учила меня нити. «Нить — это судьба. Пока прядешь — думай о хорошем. Потому что нить запоминает. И потом, когда ты её наденешь, она тебе это вернёт. Поэтому никогда не пряди в горе. Или пряди, но думай о свете. Нить запомнит свет».

Она учила меня не бояться. Говорила: «Ты — поморка. Мы — от воды и ветра. Мы — сильные. Мы — свет. Что бы ни случилось — помни: ты не одна. За тобой — род. За тобой — мы».

Я вспомнила её руки. Тёплые. Морщинистые. Они гладили меня по голове и говорили: «Ты — поморка. Ты — сильная. Ты — свет».

Я закрыла глаза. И впервые за долгое время помолилась. Своими словами. Тихо.

«Господи, если Ты есть, помоги мне. Я не знаю, куда идти. Я не знаю, зачем жить. Дай мне знак».

И в тот момент я услышала колокольчики. Тихо-тихо. Как в детстве, когда бабушка надевала мне на шею крестик.

Через час приехала скорая. Меня положили в психбольницу. Врачи говорили: «Галлюцинации». Кололи успокоительные. Записывали в карточку: «Слуховые и зрительные галлюцинации. Агрессия. Суицидальные мысли».

Врач — пожилой мужчина с усталыми глазами — сидел напротив меня и задавал вопросы. Как вас зовут? Какой год? Где вы находитесь? Я отвечала. Правильно. Он кивал. Записывал.

— Анна Сергеевна, — сказал он наконец. — Вы понимаете, что с вами произошло?

— Я слышала птиц, — сказала я. — Зимой. И видела красное небо.

— Это галлюцинации, — сказал он. — Слуховые и зрительные. На фоне стресса. Мы назначим вам лечение. Всё будет хорошо.

— Это не галлюцинации, — сказала я. — Это знак.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом вздохнул и записал что-то в карточку.

— Отдохните, — сказал он. — Мы поговорим завтра.

Я лежала на койке. Смотрела в белый потолок. И слушала колокольчики. Я знала: это не болезнь. Это — знак.

Прошёл месяц. Меня выписали. С диагнозом. С таблетками. С клеймом. Врач сказал: «Вам нужно избегать стресса. Больше отдыхать. И принимать лекарства». Я кивнула. Взяла рецепт. Вышла на улицу.

Было лето. Но я видела снег. Тополиный пух падал на асфальт, и он был как снег. Он падал, а я шла. Куда? Я не знала. Я просто шла. Мимо магазинов. Мимо кафе. Мимо людей, которые смотрели на меня и отводили глаза.

Я села на поезд. Билет взяла до станции Шиловка. Я не знала, зачем. Просто ехала. Я смотрела в окно, и за стеклом пролетали поля, леса, деревни. И колокольчики звенели в моей голове. И я знала: «Я еду домой».

А в тамбуре, у окна, стоял мужчина. Высокий. С тёмными волосами. Он смотрел на меня. И улыбался. Как будто знал, куда я еду. И зачем.

Глава 2. Разрушенный дом и Анютка

Поезд приехал на станцию рано утром.

Я вышла на перрон. Было прохладно. Пахло полыньёю и рекой. Где-то далеко, за лесом, кричала птица. Её голос был резким и тоскливым, как будто она звала кого-то, кто не мог прийти.

Я стояла на перроне и не знала, куда идти. Вокруг не было ни души. Только старый вокзал с облупившейся краской, ржавые рельсы и бесконечное небо. Я была одна. Совсем одна. В чужом месте. Без денег. С иконой в сумке. С диагнозом в кармане. И с колокольчиками в голове, которые звенели тихо и настойчиво. Они вели меня.

На лавке у вокзала сидел старик. В ватнике. С палкой. Он смотрел на меня. Долго. Потом сказал:

— Ты к Анютке?

Я вздрогнула.

— К кому?

— К Анютке, — повторил он. — Она ждёт. Давно ждёт.

— Я не знаю никакой Анютки, — сказала я.

— Узнаешь, — сказал он. — Иди по дороге. Прямо. Никуда не сворачивай. Дом сам тебя найдёт.

Он встал. И пошёл в другую сторону. Я смотрела ему вслед. И думала: «Кто это был? И почему он знает, куда я иду?».

Я пошла по пыльной дороге. Мимо старых домов. Мимо покосившихся заборов. Мимо яблонь, которые уже отцвели и стояли теперь с зелёными, ещё твёрдыми плодами. Я шла и думала: «Куда я иду? Что я ищу?». Но ответа не было. Была только дорога. И колокольчики. И тихий шёпот: «Иди. Иди. Иди».

Дорога была длинной. Я шла мимо полей, где росла высокая трава. Я шла мимо леса, где пахло хвоей и земляникой. Я шла мимо реки, где вода была тёмной и спокойной. И я думала: «Почему я здесь? Почему я не осталась в Москве? Почему я не сдалась?». И ответа не было. Был только шёпот. И колокольчики. И дорога.

Я устала. Очень устала. Мои ноги гудели. Голова кружилась. Я хотела сесть на землю и заплакать. Но колокольчики не давали мне остановиться. Они звенели громче. И я шла. Шла. Шла.

По дороге я вспоминала бабушку. Как она учила меня ходить по земле. «Земля — живая. Она чувствует твой шаг. Если идёшь с добром — она тебя держит. Если со злом — проваливается. Поэтому иди легко. Не топчи. Не спеши. Слушай».

Я слушала. Под ногами шуршала пыль. Где-то в траве стрекотал кузнечик. Пахло полынью. И я чувствовала: земля действительно держит. Не даёт упасть. Ведёт.

И тут я увидела его.

Дом. Старый. Бревенчатый. С кирпичным фундаментом. Окна выбиты. Крыша провалилась. Но он стоял. И он ждал.

Я подошла к нему. Толкнула калитку. Она открылась со скрипом. Я вошла во двор. Трава была высокой, но кто-то протоптал тропинку. Как будто кто-то ходил здесь. Как будто кто-то ждал.

Я вошла в дом. Пахло сыростью и полынью. В углу, под слоем пыли и паутины, я увидела её. Икону. Она была тёмной. Обожженной. В трещинах. Но она не сгорела.

Неопалимая Купина.

Я подошла ближе. И увидела, что рядом, на перевернутом ящике, сидит старуха. В черном платке. С морщинистым лицом. Она смотрела на меня. И улыбалась.

— Я знала, что ты придешь, — сказала она. Голос был хриплый. — Я — Анютка.

— Что это? — я показала на икону.

— Это твоё, — сказала она. — Я хранила её. Ждала тебя. Забери.

Я взяла икону в руки. Она была теплой. Как живая. И в тот момент я снова услышала пение птиц. А потом ветер распахнул окно и дунул мне прямо в лицо. Пыль взметнулась в воздух. Занавеска, висевшая на окне, взлетела, как птица. И в этом ветре был голос.

— Видишь? — улыбнулась Анютка. — Он говорит с тобой. Все вокруг — знаки Бога. Птицы. Ветер. Небо. Ты просто не смотрела.

— Кто ты? — прошептала я.

— Я — та, кто была до тебя, — сказала она. — Ты — та, кто будет после. Мы — род. Мы — нить. Ты не одна.

— Почему ты ждала меня? — спросила я.

— Потому что ты — последняя, — сказала она. — Последняя из нашего рода, кто может восстановить икону. Я не смогла. Моя мать не смогла. Её мать не смогла. А ты сможешь.

— Как? Я ничего не умею. Я даже не знаю, кто я.

— Знаешь, — сказала она. — Просто забыла. Ты — поморка. Ты — хранительница. Ты — свет. Всё это в тебе. Просто найди.

Она встала. Подошла ко мне. И коснулась моего плеча. Её рука была холодной. Но в этой холодности было что-то живое. Что-то, что согревало.

— Иди, — сказала она. — Дом ждёт. Колокол ждёт. Иди.

— Постой, — сказала я. — Научи меня. Ты же ведунья. Ты знаешь. Как мне найти себя?

Она посмотрела на меня. Долго. Потом сказала:

— Ведунья — не та, кто знает заговоры. Ведунья — та, кто ведёт. Ведёт род. Ведёт нить. Ведёт свет. Ты уже ведёшь. Просто не знаешь.

— А обряды? Травы? Знаки?

— Травы — помогут. Знаки — подскажут. Обряды — укрепят. Но главное — не в них. Главное — в тебе. В твоём сердце. В твоей вере. В твоём роде.

Она взяла пучок полыни, который лежал на подоконнике. Протянула мне.

— Вот тебе полынь. Сожги её, когда будет трудно. Дым покажет: если идёт вверх — чисто. Если стелется — беда. И помни: полынь — трава горькая, но сильная. Как ты. Как мы.

Я взяла полынь. Она была сухой и пахла горько. Я спрятала её за пазуху.

— А вода? — спросила я. — Бабушка учила меня заговору на воду.

— Вода — память, — сказала Анятка. — Она всё помнит. Если хочешь что-то узнать — налей воду в чашку, поставь на окно, скажи: «Вода-водица, покажи, что было, что будет, что не сбудется». И смотри. Если вода чистая — всё хорошо. Если мутная — беда. Если по воде круги — кто-то думает о тебе.

— А нить?

— Нить — судьба. Пока прядешь — думай о свете. Нить запомнит. И потом, когда ты её наденешь, она тебе это вернёт. Поэтому никогда не пряди в горе. Или пряди, но думай о свете. Нить запомнит свет.

Я слушала её. И чувствовала: это не просто слова. Это — знание. Древнее. Родовое. Моё.

— Иди, — сказала она. — Дом ждёт. Колокол ждёт. Иди.

Она ушла. Просто встала и вышла. Я больше никогда её не видела. Но я знала: она жива. В иконе. В небе. В птицах. В ветре.

Я осталась одна. С иконой в руках. В разрушенном доме. На берегу Волги.

И я знала: «Это только начало».

Глава 3. Дом с колодцем и колоколом

Я осталась в Шиловке.

Мне некуда было идти. Москва осталась позади — с долгами, с предательством, с диагнозом, который мне выписали в психбольнице. Я сняла комнату у местной женщины, тёти Шуры. Её дом стоял на краю села, у самого леса. Дом был старым, но крепким. С резными наличниками, с русской печкой, с большим сундуком в сенях.

Тётя Шура была старой. Очень старой. Она не спрашивала, кто я и откуда. Просто дала мне ключ и сказала:

— Живи. Тихо. Здесь земля лечит. А если не лечит, то хотя бы держит.

Я вошла в комнату. Небольшая, с низким потолком, с окном, выходящим в сад. На столе — клеёнка с выцветшим узором. На стене — фотография в рамке: молодой мужчина в военной форме. Я не спросила, кто это. Тётя Шура не сказала.

В углу комнаты висели пучки трав. Полынь. Зверобой. Чабрец. Мята. Я узнала их сразу — бабушка учила. Тётя Шура перехватила мой взгляд.

— Знаешь травы? — спросила она.

— Немного, — сказала я. — Бабушка учила.

— Кто бабушка?

— Анна. Поморка. Из-под Архангельска.

Тётя Шура долго смотрела на меня. Потом кивнула.

— Значит, не ошиблась. Ты из наших.

Вечером она позвала меня пить чай. Мы сидели на кухне. Печь топилась. Пахло дымом и сушёными травами. Тётя Шура налила чай из самовара. Долго молчала. Потом сказала:

— Ты не из Москвы. Ты отсюда.

— Почему вы так решили? — спросила я.

— По глазам, — сказала она. — У москвичей глаза другие. А у тебя — как у наших. Как у поморок. Ты из наших.

Я не стала спорить. Может, она была права. Может, я действительно была отсюда. Я не знала.

— Здесь земля лечит, — повторила тётя Шура. — Только ты не сиди. Ходи. Ищи. Земля сама тебя приведёт.

Она встала. Подошла к печке. Достала из-за иконы маленький мешочек. Протянула мне.

— Вот. Это зверобой. Сушёный. Если будет тяжело на душе — завари и пей. Он от боли. И от страха. И от того, что внутри сидит.

Я взяла мешочек. Он был тёплым. Пах зверобоем — горьковатым, солнечным.

— А полынь у тебя есть? — спросила тётя Шура.

— Есть, — сказала я. — Анютка дала.

Тётя Шура вздрогнула.

— Анютка? Ты видела Анютку?

— Видела, — сказала я. — В разрушенном доме. Она дала мне икону.

Тётя Шура перекрестилась. Долго молчала. Потом сказала:

— Анютка — не простая. Она — ведунья. Из древнего рода. Она хранила икону. Ждала ту, кто сможет её восстановить. Значит, ты и есть та.

Я не знала, что сказать. Я не чувствовала себя «той». Я чувствовала себя разбитой, уставшей, пустой.

— Не веришь? — спросила тётя Шура.

— Не знаю, — сказала я. — Я ничего не умею. Я даже не знаю, кто я.

— Умеешь, — сказала тётя Шура. — Просто забыла. Ты — поморка. Мы — от воды и ветра. Мы — сильные. Мы — свет. Всё это в тебе. Просто найди.

Она встала. Подошла к окну. Посмотрела на Волгу. Потом сказала:

— Хочешь, научу тебя одному обряду? Поморскому. На воду.

— Хочу, — сказала я.

— Возьми чашку. Налей воды. Поставь на окно. И скажи: «Вода-водица, покажи, что было, что будет, что не случится». И смотри. Если вода чистая — всё хорошо. Если мутная — беда. Если по воде круги — кто-то думает о тебе.

Я взяла чашку. Налила воды. Поставила на окно. Сказала слова. И стала смотреть.

Вода была чистой. Потом по ней пошли круги. Медленные. Широкие. Как будто кто-то бросил камень.

— Кто-то думает о тебе, — сказала тётя Шура. — Кто-то ждёт.

— Кто? — спросила я.

— Не знаю, — сказала она. — Но он близко. Я чувствую.

Я смотрела на воду. Круги расходились. И в них я видела чьё-то лицо. Мужское. Тёмные волосы. Улыбка. Тот самый мужчина из тамбура.

— Кто это? — прошептала я.

— Не знаю, — сказала тётя Шура. — Но он придёт. Скоро.

И земля действительно держала. Каждое утро я выходила на берег Волги. Сидела на старый пенёк, который торчал из земли, как чья-то забытая рука. И смотрела на воду. Вода была спокойной. Иногда по ней проходила рябь. И тогда мне казалось, что кто-то под водой тоже смотрит на меня.

Я слушала птиц. Их было много. Они пели, кричали, перекликались. И постепенно шум в моей голове — тот самый шум, который врачи называли «галлюцинациями», — стихал. Но колокольчики оставались. Они звенели тихо, но настойчиво. Как будто что-то звали. Как будто что-то ждали.

В тот день я пошла вглубь села. Не знаю, зачем. Ноги сами несли меня по пыльной дороге. Мимо старых домов. Мимо покосившихся заборов. Мимо яблонь, которые уже отцвели и стояли теперь с зелёными, ещё твёрдыми плодами.

Я шла и думала: «Куда я иду? Что я ищу?». Но ответа не было. Была только дорога. И колокольчики. И тихий шёпот: «Иди. Иди. Иди».

Я шла долго. Солнце уже поднялось высоко. Стало жарко. Я хотела пить. И тут я увидела его.

Дом стоял на холме. Большой. Кирпичный, но с деревянными резными ставнями. С высокой крышей, крытой красным железом. С трубой, из которой не шёл дым, но чувствовалось — печь внутри живая. Ждёт.

Я подошла ближе. И остановилась.

На калитке были вырезаны буквы: З.Н.

Я не знала, что они означают. Но в моей голове колокольчики зазвенели громче. И я услышала шёпот: «Защита Неба».

Я толкнула калитку. Она открылась легко, как будто ждала меня. Петли не скрипнули. Двор был чистым, хотя трава и проросла между плитами. Как будто кто-то невидимый ухаживал за этим местом.

Во дворе был колодец. Старый, деревянный, с резным навесом. На навесе были вырезаны узоры — птицы, цветы, какие-то знаки. Я подошла к нему. Заглянула внутрь. Вода была глубоко, но я видела её — тёмную, спокойную. И в этой воде отражалось небо.

Я зачерпнула воду ладонью. Она была холодной и чистой. Я выпила. И в тот момент колокольчики в моей голове затихли. Наступила тишина. А потом — я услышала колокол.

Он звонил сам. Хотя ветра не было. Хотя никто не тянул за верёвку.

Я обернулась. На веранде дома висел колокол. Небольшой, медный, с надписью на боку. Я подошла ближе. Прочитала: «Никола».

Колокол Николы Чудотворца. Святого, который защищает странников, сирот и всех, кто ищет путь.

Я протянула руку. Коснулась колокола. Он был тёплым. Как будто его только что держали. И в тот момент я услышала голос — не в голове, не в ушах. В сердце.

«Ты — дома. Теперь — ищи».

Я вошла в дом. Дверь была не заперта. Внутри пахло старой древесиной, воском и пылью. На стенах — выцветшие обои с цветочным узором. На полу — половики, выцветшие, но ещё крепкие. В углу — красный угол с иконами. Но иконы были пустые. Никто не молился здесь уже много лет.

Я прошла в комнату. В центре стоял стол. На нём — керосиновая лампа. И шкатулка. Маленькая. Обитая медью. На крышке был выгравирован узор — птицы, цветы, какие-то знаки.

Я открыла шкатулку. Внутри лежала записка. Написанная от руки. Старыми чернилами.

«Ты пришла. Я знала. Возьми веретено. Оно в сундуке на чердаке. Пряди. И помни: сила твоя — в нити. А нить — в роде. Дом ждёт тебя. И колокол ждёт. Позвони в него, когда найдёшь себя».

Подписи не было. Но я знала, кто это написал. Анютка. Или Аграфена. Или все женщины рода. Они говорили со мной.

Я поднялась на чердак. Лестница скрипела, но держала. На чердаке было темно и пахло сухими травами и старой кожей. Я нашла сундук. Открыла. Внутри — веретено. И пуговицы. И утюг. И платок.

Я взяла веретено. Оно было тяжёлым. И тёплым. И гудело.

Я села на пол. На чердаке. Среди старых вещей. И начала прясть.

Я не умела. Но руки знали. Они крутили веретено. Тянули нить. Наматывали клубок. И с каждым движением я чувствовала, как трещины на иконе — той, что осталась внизу — затягиваются. Как свет возвращается в дом.

А потом я услышала колокол. Он звонил сам. Громко. Радостно. Как будто говорил: «Добро пожаловать домой».

Я спустилась вниз. Вышла на крыльцо. И увидела его.

Мужчина стоял у калитки. Высокий. С тёмными волосами. С глазами, в которых было что-то знакомое. Он смотрел на меня. И улыбался.

— Вы тоже её слышите? — спросил он.

— Кого?

— Икону. Она поёт. Когда вы рядом.

Я не поняла, что он имеет в виду. Но в моей груди что-то дрогнуло. Тепло. Живое. Настоящее.

— Я — Дима, — сказал он. — Я ищу этот дом. И, кажется, нашёл. Только не дом. А вас. И в тот момент птицы запели так громко, что я поняла: это — судьба.

Глава 4. Утюг, пуговицы и платок

После встречи с Димой я не могла уснуть.

Я лежала на кровати в комнате тёти Шуры. Потолок был деревянным, с тёмными пятнами от старости. За окном шумел лес. Ветер шевелил занавески, и они казались живыми. Я смотрела в потолок и думала о нём. О Диме. О его глазах. О его голосе. О том, как он сказал: «Я ищу этот дом. И, кажется, нашёл. Только не дом. А вас».

Я не знала, что это значит. Но в моей груди что-то дрожало. Что-то тёплое. Что-то живое. Что-то, чего я не чувствовала уже много лет.

А потом я вспомнила об иконе. Об Анютке. О разрушенном доме. И поняла: я должна вернуться. Что-то там осталось. Что-то важное. Что-то, что ждало меня.

Утром я вышла из дома. Дима предложил пойти со мной. Но я отказалась. Я чувствовала, что должна сделать это одна. Это был мой род. Моя память. Мой путь. Я не могла разделить его с кем-то. Даже с ним.

Тётя Шура проводила меня до калитки. Посмотрела долго. Потом сказала:

— Иди. Но помни: там не только твоё. Там и чужое. Не бери всё. Бери только своё.

— А как понять, что своё? — спросила я.

— Своё — тёплое, — сказала она. — Чужое — холодное. Своё — светится. Чужое — тянет. Своё — отпускает. Чужое — держит. Поняла?

— Поняла, — сказала я. Но не поняла.

— Иди, — сказала тётя Шура. — И вот ещё что. Возьми полынь. Сожги, когда войдёшь. Дым покажет: если идёт вверх — чисто. Если стелется — беда. И не бери ничего, что дым обходит. Поняла?

— Поняла, — сказала я.

Она дала мне пучок полыни. Я спрятала его за пазуху. И пошла.

Дорога до разрушенного дома заняла около часа. Я шла по пыльной дороге. Мимо старых домов. Мимо заборов. Мимо яблонь. Солнце уже поднялось высоко. Воздух был горячим и сухим. Пахло полынью и пылью. Я шла и думала: «Что я ищу? Что я надеюсь найти?». И колокольчики в моей голове звенели тихо, но настойчиво. Они вели меня.

Дом стоял на берегу Волги. Он был таким же, как и вчера. Старый. Бревенчатый. С кирпичным фундаментом. Окна выбиты. Крыша провалилась. Но он стоял. И он ждал.

Я вошла внутрь. Пахло сыростью и полынью. В углу, под слоем пыли и паутины, стояла икона. Я подошла к ней. Коснулась рукой. Она была тёплой. Как живая.

Я достала полынь. Подожгла. Дым пошёл вверх. Чисто. Я выдохнула. И начала искать.

Я не знала, что ищу. Но колокольчики вели меня. Они звенели громче, когда я приближалась к чему-то важному. И тише, когда я отдалялась.

Я прошла в дальнюю комнату. Там было темно и пахло старой кожей. На полу лежали гнилые доски. Я начала разбирать их. Мои руки дрожали. Я не знала, что найду. Но я знала, что это будет важно.

Под одной из досок я нашла шкатулку. Ту самую. Обитую медью. С узором на крышке.

Я открыла её. Внутри лежали три вещи.

Старый утюг. Чугунный. Тяжелый. На нем была выцарапана дата: 1912. Он был покрыт ржавчиной, но ручка была отполирована до блеска. Как будто его держали в руках много лет. Как будто его передавали из поколения в поколение.

Мешочек с пуговицами. Разные. Большие и маленькие. Медные и деревянные. Перламутровые и обтянутые тканью. Их было ровно двенадцать. Я высыпала их на ладонь. Они были холодными. Но в моей руке они начали нагреваться. Как будто отзывались на моё прикосновение.

Вышитый носовой платок. Белый. С красной вышивкой по краю. Он был влажный. Как будто кто-то только что плакал в него.

Я взяла его в руки. И в тот момент передо мной вспыхнула картинка.

Я увидела женщину. В черном платке. Она стояла на коленях перед иконой и молилась. Я узнала ее. Это была Анютка. Но молодая. Лет двадцати. Она плакала. Слезы текли по ее лицу, и она вытирала их этим платком.

Я поняла: это ее слезы. Она плакала в этот платок. И он хранил ее память.

Я взяла утюг. Он был тяжелым. Но когда я провела им над иконой, трещины на ней стали меньше. Я поняла: утюг «разглаживает» боль. И прошлое.

Я сидела на полу разрушенного дома. С утюгом в одной руке. С платком в другой. И с пуговицами, рассыпанными вокруг меня. И я плакала. Я плакала о Анютке. О ее слезах. О ее боли. О ее жизни.

А потом я услышала пение птиц. Громко. Радостно. Я подняла голову. И увидела, что в выбитом окне сидит голубь. Белый. Он смотрел на меня. И ворковал. Как будто говорил: «Не плачь. Ты не одна».

Я вытерла слезы. Встала. Собрала вещи в шкатулку. И пошла домой.

По дороге я думала о пуговицах. Двенадцать. Почему двенадцать? Я вспомнила, как бабушка говорила: «Двенадцать — число полное. Двенадцать месяцев в году. Двенадцать апостолов. Двенадцать колен Израилевых. Двенадцать — это род. Полный род. От начала до конца».

Я посмотрела на пуговицы. Они лежали в шкатулке. И я чувствовала: каждая — чья-то жизнь. Чья-то судьба. Чья-то боль. И я должна их «пришить». Прожить. И отпустить.

Я вернулась домой. Тётя Шура ждала меня на крыльце. Посмотрела на шкатулку. Кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.